

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ОБЪ

ИСТОРІИ КНЯЖЕСТВЪ

РЖЕВСКАГО

И

ѲОМИНСКАГО.

Н. Д. Квашнина-Самарина.

(Изданіе Тверской Ученой Архивной Коммисіи).

ТВЕРЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1887 Г.

2007110032

ИЗСЛѢДОВАНІЕ
объ
ИСТОРІИ КНЯЖЕСТВЪ
РЖЕВСКАГО
и
ѲОМИНСКАГО *).

Всѣмъ извѣстна польза частныхъ изслѣдованій по исторіи отдѣльныхъ княжествъ древней Руси. Мелкія извѣстія, разсѣянныя по разнымъ лѣтописямъ и грамотамъ, не привлекаютъ вниманія людей, пишущихъ общую исторію Россіи, и остаются большею частью вовсе ими незамѣченными, а иногда, по незнанію мѣстности, и неправильно понятыми; между тѣмъ, собранныя въ одно мѣсто и приведенныя въ систему, онѣ получаютъ нѣкоторое значеніе и впослѣдствіи могутъ кинуть больший свѣтъ на бытъ древнихъ Русскихъ.

*) Читано 19 декабря 1886 года, въ засѣданіи Тверской Ученой Архивной Коммиссіи, членомъ ея, Николаемъ Дмитріевичемъ Квашнинымъ-Самаринымъ.

Взглядъ, направленный на ограниченный участокъ исторіи, пріобрѣтаетъ особенную зоркость и замѣчаетъ многое, до того остававшееся въ тѣни. Вслѣдствіе этого въ нашей литературѣ давно уже появляются сочиненія, посвященныя мѣстной исторіи Россіи. Желая съ своей стороны содѣйствовать развитію этой отрасли науки, мы принялись за то небольшое изслѣдованіе, которое предлагаемъ нынѣ читателямъ. Размѣры его не велики, ибо не велики были размѣры и княжествъ, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь, да и значеніе, которое они имѣли въ исторіи, отнюдь не превышало этихъ размѣровъ. Тѣмъ не менѣе мы надѣемся, что спеціалисты найдутъ въ нашемъ трудѣ кое-что для нихъ полезное и могущее со временемъ внести новыя подробности и краски въ общую исторію нашего отечества. Во всякомъ случаѣ мы полагали, что если кому нибудь слѣдовало взяться за это дѣло, то скорѣе всего намъ, какъ мѣстному жителю, знакомому съ мѣстностью и съ туземными преданіями.

Начнемъ съ описанія границъ. Княжество Ржевское граничило съ сѣвера съ Новоторжскими землями великаго Новгорода, къ востоку съ великимъ княжествомъ Тверскимъ (именно съ Зубцовскимъ и Старицкими округами), къ западу опять таки съ Новгородскими землями, къ югу съ Бѣльскимъ краемъ великаго княжества Смоленскаго и къ юго-востоку съ княжествомъ Ѳоминскимъ.

Ѳоминское княжество граничило къ сѣверо-западу съ княжествомъ Ржевскимъ, къ сѣверу съ Зубцовскимъ округомъ, къ востоку Волоцкими землями великаго Новгорода (Погорѣлое городище) и княжествомъ Холмскимъ, къ югу съ княжествомъ Вяземскимъ.

Ржевское княжество занимало приблизительно весь нынѣшній Ржевскій, а также и Осташковскій уѣзды, за исключеніемъ заселигерской части послѣдняго,тянувшей къ Новгороду, и Осуйскаго края на Бѣльскихъ границахъ, о которомъ неизвѣстно съ достовѣрностью, кому онъ принадлежалъ въ древности, въ концѣ же XV вѣка онъ былъ спорнымъ между Москвой и Литвой, кромѣ того западную часть Старицкаго уѣзда, прилегающую ко Ржеву съ сѣвера (средоточіемъ этого края была Рясна), а можетъ быть и нѣкоторыя пограничныя мѣстности Зубцовскаго [1]).

Ѳоминское княжество было однимъ изъ самыхъ маленькихъ и занимало только юго-западную часть Зубцовскаго уѣзда между Ржевскимъ и Сычевскимъ; большая и важнѣйшая его часть была расположена по нижнему теченію Вазузы.

Первыми обитателями этого края, какъ и всей сѣверной Руси, были конечно финны. Принадлежали они, надо думать, къ племени Мерянъ, населявшему въ древности берега всей верхней Волги до Нижегородскихъ мѣстностей. Это правдоподобно и само по себѣ, да кромѣ того одна рѣчка въ Ржевскомъ уѣздѣ, притокъ Бойни, впадающей въ Волгу, называется до сихъ поръ Мерской. На картахъ пишутъ обыкновенно Мерзкая, но это едва-ли не искаженіе.

Финны дали имена всѣмъ сколько нибудь крупнымъ рѣкамъ этого края; всѣ они носятъ не сла-

[1]) Смотри договоръ между Василіемъ темнымъ и Казиміромъ Литовскимъ въ актахъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи, томъ первый подъ 1449 годомъ, также межевую грамоту Ивана III и Бориса Волоцкаго въ I томѣ древней Вивліотики Новикова и духовную грамоту Дмитрія Ивановича Углицкаго въ томъ же изданіи.

вянскія и чуждыя для насъ названія, такъ напримѣръ самая Волга, Вазуза, Осуга, Шемша, Тудъ, Коша и нѣкоторыя другія. Напротивъ того ручьи называются почти всѣ по Славянски: Бѣлейка, Чернейка, Телица, Сижка, Гостижка, Избижка и многіе другіе. Это указываетъ намъ, что финское населеніе той мѣстности было немногочисленно и рѣдко, что финны обитали главнымъ образомъ по берегамъ большихъ рѣкъ, кормясь, по всему вѣроятію, рыболовствомъ и охотой,—что лѣса и берега рѣчекъ и ручьевъ распаханы уже Славянами.

Славяне пришли на верхнюю Волгу съ юга. Похоже, что они принадлежали къ племени Кривичей. Извѣстно, что Ржевскій край тянулъ впослѣдствіи къ Смоленску, да и въ самой рѣчи привазузскихъ и приосужскихъ жителей еще недавно замѣчались бѣлоруссизмы, нынѣ все болѣе и болѣе исчезающіе. Съ другой стороны мы знаемъ, что не только Ржевскій край, но и вся сѣверная полоса Смоленской губерніи говоритъ все-таки не настоящимъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, но скорѣе великорусскимъ. Быть можетъ первыми насельниками края были Словене Новгородскіе, но когда большая ихъ часть ушла къ Ильменю, то съ юга нахлынули Кривичи и, смѣшавшись съ туземцами, образовали промежуточное племя, на сѣверѣ почти вполнѣ великорусское, къ югу же постепенно переходящее въ бѣлоруссовъ [1]).

---

[1]) Надпись на Стерженскомъ крестѣ 1133 года, находящемся въ Тверскомъ Музеѣ и стоявшемъ въ верховьяхъ Волги, у впаденія ея въ озеро Стержъ Осташковскаго уѣзда, указываетъ на то, что ее высѣкалъ Кривичъ (цѣкунъ), какъ можно судить изъ самой надписи, слѣдующаго содержанія: „Лѣто 6641 (1133) мѣсяца Июля 14 день почахъ рыти рѣку сю азъ Иванко Павловичь и крестъ сь поставихъ“.

А. Жизневскій.

Лѣтописи долгое время молчатъ о Ржевскомъ краѣ. Впрочемъ онъ не былъ пустыней. Чрезъ него пролегалъ если не ближайшій, то легчайшій путь изъ южной Руси въ Суздаль. Извѣстно, что св. Глѣбъ, отправляясь въ Кіевъ, пріѣхалъ къ рѣкѣ Тьмѣ, притоку Волги—а затѣмъ, повредивъ себѣ ногу, продолжалъ свой путь въ ладьѣ до Смоленска, подъ которымъ онъ былъ встрѣченъ убійцами. Очевидно онъ проѣхалъ по Вазузѣ, а оттуда перебрался черезъ волокъ и такимъ образомъ достигнулъ Днѣпра. Прямой путь чрезъ Вятичей былъ въ тѣ времена крайне опасенъ [1]).

Въ 1168 году по раздѣлу между сыновьями Ростислава Торопецъ и Ржевъ достались его младшему сыну Мстиславу Ростиславличу Храброму. Стольнымъ городомъ былъ Торопецъ, но князь и въ немъ мало бывалъ и жилъ большею частью въ своихъ южнорусскихъ волостяхъ, сражаясь съ Половцами и принимая участіе въ другихъ войнахъ этого времени. Прославясь какъ храбрѣйшій князь во всей Россіи, онъ былъ призванъ на Новгородское княженіе, совершилъ и тамъ подвиги, но вскорѣ умеръ къ великому горю Новгородцевъ. Онъ признанъ святымъ подобно своему отцу. Его мощи почиваютъ въ Софійскомъ соборѣ. Скончался въ 1180 году.

У него было три сына: Мстиславъ Удалой, Давидъ и Владиміръ. Послѣдній при смерти отца былъ еще ребенкомъ, и отецъ отдалъ его на руки братьямъ Рюрику и Давиду и своему вельможѣ Борису Захарьичу. При этомъ говорится, что отецъ назначилъ ему и волость, но какую—неизвѣстно [2]).

---

[1]) Смотри Лаврентьевскую лѣтопись.
[2]) Смотри Кіевскую (Ипатьевскую) лѣтопись.

Во всякомъ случаѣ старшій изъ братьевъ Мстиславъ, подобно Мстиславу Храброму, жилъ большею частью въ Кіевской землѣ, гдѣ старшимъ княземъ былъ его дядя Рюрикъ, давшій ему городокъ Триполь. О Владимірѣ тоже однажды упоминается въ Кіевской лѣтописи,—впрочемъ тамъ сказано, что его воинами начальствовалъ Борисъ Захарьичъ. Давидъ едва ли не оставался на сѣверѣ. Но въ первыхъ годахъ XIII столѣтія на югѣ одолѣли Ольговичи, Рюрикъ былъ принужденъ взять вмѣсто Кіева Черниговъ, а изъ его родственниковъ многимъ пришлось потерять свои Кіевскія волости. Тогда и Мстиславъ удалился въ Торопецъ и съ этого начинаются его подвиги, поставившіе его, одного изъ самыхъ мелкихъ и младшихъ князей, наравнѣ съ самыми сильными и родовитыми, а наконецъ и выше ихъ всѣхъ. Въ 1210 году онъ внезапно овладѣлъ Торжкомъ и предложилъ свои услуги Новгородцамъ, которые, будучи притѣсняемы Всеволодомъ Суздальскимъ, управлявшимъ ими отъ имени своего малолѣтняго сына, охотно приняли въ князья сына своего любимца и стали за него такъ крѣпко, что Всеволоду пришлось смолчать. Затѣмъ Торопецкимъ княземъ является Давидъ Мстиславичь, упомянутый какъ побѣдитель Литвы въ 1214 году. Владиміръ еще ранѣе провозглашенія Мстислава въ Новгородѣ княжилъ въ Псковѣ, но затѣмъ въ 1211 году Мстиславъ перевелъ его въ Великіе Луки, а во Псковъ посадили его двоюроднаго племянника Всеволода Борисовича. Похоже, что между братьями были не лады. Вскорѣ однако онъ опять былъ посаженъ во Псковѣ, но изгнанъ самими Псковичами. Это произошло въ 1213 году. Ливонскія извѣстія говорятъ, что дѣло вышло изъ за его брака. Онъ былъ женатъ на нѣм-

кѣ, дочери Дитриха фонъ Буксгевденъ, брата Альбрехта, епископа Рижскаго и основателя ордена Ливонскихъ рыцарей. Вслѣдствіе этого у него была дружба съ нѣмцами, которыхъ Псковичи напротивъ того ненавидѣли. Владимиръ отправился въ Полоцкъ, а оттуда въ Ригу, къ жениной роднѣ. Родственники дали ему въ управленіе волость, но рыцари подняли изъ-за этого шумъ и князю пришлось уѣхать на Русь. Вскорѣ онъ однако вернулся и снова получилъ волость, но тогда послышались жалобы, что онъ дурно исполняетъ свои обязанности. Особенно рѣзко говорилъ противъ него одинъ священникъ Альбрандъ. Князь погрозилъ, что онъ расчитается съ нимъ при случаѣ, и уѣхалъ домой [1]).

Между тѣмъ Мстиславъ въ 1214 году ходилъ съ Новгородцами въ Кіевъ, выгналъ оттуда Ольговичей, которые совсѣмъ было осилили Мономахово племя, и посадилъ въ Кіевѣ своего двоюроднаго брата Мстислава Романовича Смоленскаго. Вскорѣ онъ отрекся отъ Новгородскаго стола и отправился на Русь, имѣя въ виду поднять князей на Венгровъ, овладѣвшихъ Галичемъ. Новгородцы взяли себѣ въ князья его зятя Ярослава Всеволодовича Переяславскаго, но тотъ, недолго у нихъ покняживъ, рассорился съ ними окончательно, засѣлъ въ Торжкѣ и, опираясь на своихъ братьевъ, требовалъ отъ нихъ безусловной покорности, а покамѣстъ морилъ ихъ голодомъ, не пропуская хлѣба изъ Суздальскихъ областей. На выручку явился Мстиславъ, и когда Ярославъ

---

[1]) Смотри первую Новгородскую лѣтопись и Карамзина, томъ III, описаніе княженій Юрія и Константина, а также примѣчаніе 163.

отвергнулъ его требованія, то въ 1216 году началась великая война, въ которой приняли участіе множество князей. На сторонѣ Мстислава находились старшій братъ Ярослава Константинъ Ростовскій, лишенный своимъ отцемъ старшинства въ пользу втораго сына Юрія, стоявшаго за Ярослава,—также Смоленскіе князья и братъ его Владиміръ, котораго лѣтопись называетъ Псковскимъ, и которыи, по ея словамъ, начальствовалъ Псковичами, изъ чего видно, что они его снова приняли. Это они могли сдѣлать тѣмъ легче, что сильно поплатились за его изгнаніе. Вскорѣ послѣ его ухода, Литва, воспользовавшись безначаліемъ, напала въ расплохъ на Псковъ, когда большая часть жителей находилась на озерѣ, и сильно пограбила городъ. Притомъ дружба Владиміра съ Нѣмцами была разорвана [1]). Война 1216 года занимательна для насъ тѣмъ, между прочимъ, что, благодаря ей, мы получаемъ нѣкоторыя извѣстія о верхневолжскомъ краѣ. Мстиславъ выступилъ 1 марта и пошелъ Селигеромъ (какъ видно по льду). Выступивъ въ свою волость (очевидно Ржевскую), говоритъ лѣтопись, онъ позволилъ Новгородцамъ запасаться кормами, только бы они плѣнныхъ не брали, и двинулся далѣе. Братъ Ярослава Святославъ осадилъ Мстиславова воеводу Яруна во Ржевкѣ, городкѣ Мстиславовомъ (первое упоминаніе о Ржевѣ), имѣя 10000 воиновъ (конечно преувеличено), а у Яруна было только 100, однако онъ отбился. Мстиславъ и Владиміръ пошли на выручку съ пятью стами, тогда враги побѣжали, а Мстиславъ взялъ Ярославовъ городъ Зубцовъ. Ярославъ, между тѣмъ, по-

---

[1]) Смотри первую Новгородскую лѣтопись.

кинулъ Торжокъ и отправился въ Тверь, но и тамъ не остался, а союзники опустошили берега Шоши и Дубны. Владимиръ со Псковичами и Смолянами взялъ Коснятинъ (городокъ за Тверью), Константинъ Ростовскій соединился съ другими князьями и всѣ они пошли къ Юрьеву. Тамъ 21 апрѣля произошла знаменитая битва на Липецкомъ полѣ, вслѣдствіе которой Юрій былъ лишенъ старшаго города Владиміра, переданнаго Константину, а Ярославъ отказался отъ всякихъ притязаній на Новгородъ. Мстиславъ взялъ къ себѣ и жену Ярослава, а свою дочь Ростиславу, впрочемъ потомъ отпустилъ ее къ мужу. Отъ нея родился Александръ Невскій [1]. Похоже, что Давидъ не участвовалъ въ этой войнѣ. Вѣроятно онъ охранялъ границы. Изъ приведеннаго нами разсказа видно, что Ржевъ принадлежалъ въ это время Мстиславу, а у Владимира какъ будто не было никакой наслѣдственной волости. Этого князя видимо задѣлили.

Онъ оставался по прежнему въ Псковѣ. Въ 1217 году, во время отсутствія Мстислава, бывшаго на югѣ, онъ приходилъ въ Новгородъ по дѣламъ. Въ то время пограбила Литва на Шелони. Новгородцы не могли догнать враговъ, а затѣмъ пошли со Владимиромъ и Псковичами на нѣмецкій городъ Оденпе или по Русски Медвѣжью голову. Чудь, жившая въ городѣ, просила мира и обѣщалась сдаться, но ставила разныя условія. Начали Новгородцы, какъ выражается лѣтопись, гадать со Псковичами о чудской рѣчи, но покамѣстъ они гадали, Чудь дала знать нѣм-

[1]) Смотри главнымъ образомъ Троицкую лѣтопись. О томъ, что Невскій родился отъ дочери Мстислава, смотри Тверскую лѣтопись подъ 1244 годомъ.

цамъ, бывшимъ не подалеку. Пришелъ самъ Магистръ Вольквинъ съ большими силами. Нѣмцы ударили въ расплохъ и сначала имѣли успѣхъ, но увлеклись грабежомъ, а между тѣмъ Русскіе справились и вогнали враговъ въ городъ. Тамъ и безъ того не было хлѣба, не было его и у Русскихъ, но нѣмцы поторопились и черезъ три дня сдали городъ, выговоривъ свободный пропускъ, заключивъ договоръ и отдавъ въ заложники тестя Владимирова Дитриха. Владимиръ хотѣлъ взять его къ себѣ въ Псковъ, но Новгородцы не согласились [1]).

Въ 1218 году Мстиславъ окончательно ушелъ на югъ, гдѣ онъ вскорѣ отнялъ Галичъ у Венгровъ и сдѣлался сильнѣйшимъ изъ южныхъ князей. Остальныя его дѣла до насъ не касаются. Скажемъ только, что онъ испыталъ наконецъ сильное пораженіе отъ Татаръ въ несчастномъ сраженіи на Калкѣ и скончался въ 1228 году.

Въ 1222 году началась новая война съ нѣмцами. Князь Новгородскій Всеволодъ Юрьевичъ былъ еще ребенокъ. Его отецъ, великій князь Юрій, прислалъ въ Новгородъ брата Святослава, который со Владимиромъ, сыномъ его Ярославомъ, Литовской помощью и всѣми Новгородцами и Псковичами пошли къ Вендену. Города они не взяли, но сильно опустошили землю, при чемъ, по словамъ нѣмецкой лѣтописи, досталось и имуществу Альбранда [2]).

Новгородцы, попробовавъ многихъ князей, взяли наконецъ опять Ярослава Переславскаго, который на этотъ разъ съ ними ужился и долго

---

[1]) Смотри Новгородскую первую лѣтопись и Карамзина томъ III примѣчаніе 174.

[2]) Смотри Новгородскую первую лѣтопись и Карамзина томъ III примѣчаніе 200.

управлялъ Новгородомъ или самъ или черезъ сыновей. Въ 1226 году Ярославъ, Давидъ Торопецкій и Владиміръ разбили Литву у Усвята на замерзшемъ озерѣ. Въ этомъ сраженіи погибъ Давидъ. Лѣтопись называетъ его блаженнымъ княземъ. Владиміръ начальствовалъ въ этомъ сраженіи Новоторжцами. Быть можетъ онъ опять не поладилъ со Псковичами и былъ переведенъ въ Торжокъ. Кто затѣмъ получилъ Торопецъ, этого нельзя сказать съ достовѣрностью. Всего болѣе имѣлъ на него правъ Владиміръ, но онъ и ранѣе имѣлъ право на Ржевъ, однако Мстиславъ удержалъ городъ за собой и похоже, что отношенія между двумя братьями были не самыя лучшія. А въ настоящую минуту Мстиславу приходилось особенно дорожить своимъ родовымъ удѣломъ. Онъ овладѣлъ Галичемъ, но ему пришлось передать этотъ городъ зятю, Венгерскому королевичу, да былъ и другой претендентъ: другой его зять Даніилъ Волынскій, имѣвшій наслѣдственныя права на Галичъ. Мстиславъ взялъ себѣ Подолье, но не могъ надѣяться, чтобъ и оно перешло къ его дѣтямъ, очень еще молодымъ. Потому онъ не могъ не удерживать Торопца. Съ другой стороны ему нельзя было не надѣлить наконецъ брата. Всего легче было передать ему Ржевъ, второй городъ княженія. Кажется, онъ такъ и сдѣлалъ. Дальнѣйшая исторія Торопца не относится къ нашей задачѣ и притомъ очень темна. У Мстислава было два сына. Одинъ изъ нихъ Юрій былъ потомъ княземъ Псковскимъ. Другаго звали кажется Мстиславомъ. По смерти отца они остались ни при чемъ, но потомъ получили отъ Даніила Торческъ въ Кіевской области. Послѣ нашествія Татаръ отъ Торческа и всего Поросья остался только пепелъ

и князья, вѣроятно отправились на сѣверъ. Когда въ 1239 году Александръ Невскій женился на дочери Полоцкаго князя, то онъ вѣнчался въ Торопцѣ—знакъ, что этотъ городъ принадлежалъ его близкимъ родственникамъ. Затѣмъ въ лѣтописяхъ встрѣчаются разные Новгородскіе и Псковскіе служилые князья съ не совсѣмъ ясными отчествами или вовсе безъ отчествъ. Вѣроятно они были по большей части Торопецкаго племемени, но установить ихъ родословіе покамѣсть невозможно. Знаемъ только, что Торопецъ былъ наконецъ захваченъ Литвой и отнятъ у нея только Иваномъ Великимъ [1]).

Отсюда начинается самостоятельная исторія Ржева. Мѣстное преданіе, идущее изъ древнѣйшихъ временъ, говоритъ, что этотъ городъ принадлежалъ встарь нѣкоему князю Владиміру, отъ котораго онъ и получилъ имя, постоянно называясь въ старыхъ актахъ Ржевой Володимерововой. Преданіе прибавляетъ, что онъ и его супруга княгиня Агриппина были впослѣдствіи признаны святыми и что оба они были похоронены во Ржевскомъ соборѣ.

Кто былъ этотъ князь Владиміръ? Писатели старались не однажды разрѣшить этотъ вопросъ, но не имѣли большой удачи. Всего чаще указывали на Владиміра Храбраго, двоюроднаго брата Дмитрія Донскаго. Этотъ князь дѣйствительно владѣлъ Ржевомъ, но получилъ его случайно и скоро опять потерялъ; жилъ онъ не во Ржевѣ, а въ своемъ стольномъ городѣ Серпуховѣ, и похо-

[1]) Объ Усвятской битвѣ всего подробнѣе сказано въ Тверской лѣтописи. О Юріи Мстиславличѣ смотри Новгородскую лѣтопись. О Мстиславѣ Мстиславличѣ младшемъ смотри Лаврентьевскую подъ 1231.

ронесъ въ Москвѣ, да и жену его звали не Агриппиной, но Еленой. Указываютъ еще на Владимира, Всеволодовича, брата великаго князя Ярослава II, но онъ во Ржевѣ никогда не княжилъ, да и не могъ тамъ княжить, принадлежа къ Суздальскому, а не къ Смоленскому племени [1]). Затѣмъ между Ржевскими князьями Московскаго племени нѣтъ ни одного Владимира. Нѣтъ Владимировъ и между ихъ предшественниками, князьями Ржевскими-Оомипскими. Остается искать между Ржевскими-Торопецкими. Тамъ мы дѣйствительно находимъ князя Владимира Мстиславича.

Мы уже показали, что Владимиръ былъ сыномъ Торопецкаго и Ржевскаго князя,—что онъ имѣлъ право на часть въ отцовскомъ наслѣдствѣ, но долго оставался безъ удѣла.—что Торопецъ, старшій городъ, принадлежалъ его брату Давиду, а Ржевъ, второй городъ, его же брату Мстиславу, который хотя и владѣлъ другими и богатыми княженьями, но ни какъ не хотѣлъ вовсе отказаться отъ отцовской волости,—что, наконецъ, Давидъ Торопецкій убитъ въ 1226 году. Если прибавить, что съ этого же года прекращаются лѣтописныя извѣстія о Владимирѣ, то конечно можно заключить съ немалою вѣрятностью, что Мстиславъ удовлетворился Торопцемъ, а Ржевъ передалъ наконецъ брату, который немедленно покинулъ Новгородскую службу и прожилъ последніе годы своей жизни именно во Ржевѣ.

Конечно все это только вѣроятно и не можетъ быть названо несомнѣннымъ. Исторія Ржева за XIII столѣтіе такъ темна, что всегда можно пред-

---

[1]) Владиміръ Всеволодовичъ похороненъ въ г. Владимірѣ.

А. Жизневскій.

положить существованіе какого нибудь иного Владимира Ржевскаго, вовсе неизвѣстнаго по лѣтописямъ. Однако выраженіе Ржева Володимерова указываетъ какъ будто на перваго Ржевскаго князя, которымъ по всей вѣроятности и былъ Владимиръ. Притомъ похоже, что это выраженіе идетъ изъ Новгорода и Пскова. Дѣло въ томъ, что другая Ржева, Ржева Пустая или нынѣшній Новоржевъ была въ древности Новгородскимъ пригородомъ. Новгородцамъ, болѣе чѣмъ кому нибудь другому, приходилось смѣшивать имя своего пригорода съ именемъ волости своихъ извѣчныхъ князей, потому понятно, что у нихъ-то и явились названія Ржева Пустая и Ржева Володимерова. Все это удобно объясняется тѣсной связью между Владимиромъ и Новгородцами. Во всякомъ случаѣ достовѣрна или не достовѣрна наша гипотеза, при нынѣшнемъ положеніи вопроса она есть единственно возможная. Годъ кончины Владиміра неизвѣстенъ. Судя по его возрасту, можно думать, что онъ пожалуй скончался ранѣе Батыева нашествія. Не знаемъ и того, когда именно стали почитать его и Агриппину святыми, но конечно это случилось еще весьма давно. Во всякомъ случаѣ память объ нихъ, несмотря ни на что, уцѣлѣла и до сихъ поръ. Во Ржевѣ и по нынѣ существуютъ устныя преданія о чудесахъ, совершенныхъ Владимиромъ. Говорятъ, напримѣръ, что однажды Литва напала на Ржевъ и взяла южную половину города, но тогда на противоположной горѣ показался князь Владимиръ и махнулъ платкомъ, отчего Литва ослѣпла и была безъ труда забрана Русскими. Разсказываютъ также, что князь Владимиръ ходитъ каждую ночь дозоромъ кругомъ города, почему горожане и клали ежедневно на его могилу пару

новыхъ сапоговъ, которые утромъ оказывались истоптанными. Это продолжалось многіе годы, наконецъ горожане поскупились и положили на могилу старые сапоги, починивъ ихъ гдѣ было нужно, но съ этого дня и прекратилось чудо.

Наконецъ въ 40 годахъ прошлаго столѣтія, въ ту пору, когда къ чудесамъ и мѣстнымъ святымъ относились съ особенною подозрительностію не только свѣтскія, но отчасти и церковныя власти, была послана изъ Твери въ Ржевъ коммиссія для освидѣтельствованія мощей Владиміра и Агриппины. Донесеніе этой коммиссіи сохранилось и списокъ съ него имѣется въ Тверскомъ музеѣ. Тамъ говорится, что коммиссія, снявъ надгробіе, произвела раскопки на этомъ мѣстѣ и нашла большое количество костей, сравнительно новыхъ, а затѣмъ на значительной глубинѣ гроба, которые она признала принадлежащими князьямъ Владиміру и Агриппинѣ, а въ нихъ нѣсколько полуистлѣвшихъ костей и ничего болѣе. Такъ говоритъ донесеніе, но дѣло представляется довольно страннымъ. Какъ? Съ древнихъ поръ существовала въ соборѣ могила мѣстныхъ святыхъ и эту могилу позволяли раскапывать и хоронить въ ней постороннихъ людей? Или было такое время, когда всякая память о могилѣ исчезла? Но если такъ, то какъ же объ ней опять вспомнили и притомъ такъ вѣрно опредѣлили ея мѣсто? Съ другой стороны могло и такъ быть: послѣ какого нибудь раззоренія города, которыя вѣроятно случались въ старину, послѣ пожара церкви, которая вѣроятно горѣла не разъ, когда стали возобновлять и церковь и надгробіе, то ошиблись мѣстомъ и поставили надгробіе не тамъ, гдѣ слѣдовало. Ошибка могла быть очень незначительная, но и этого было дос-

таточно, чтобы ввести въ заблужденіе коммисію, которая выкопала въ верхнихъ слояхъ не малое количество костей, а затѣмъ нашла два древніе гроба, принадлежавшіе можетъ быть и точно какимъ нибудь стариннымъ князьямъ, но едва ли Владимиру и Агриппинѣ. Такъ, что все это дѣло должно оставаться подъ величайшимъ сомнѣніемъ.

Во всякомъ случаѣ донесеніе коммисіи имѣло послѣдствіемъ то, что церковное почитаніе князей было воспрещено и что ихъ иконы и самая надгробная доска съ ихъ изображеніями были взяты въ Тверь. Нѣкоторыя иконы и доска были недавно розысканы и теперь находятся въ Тверскомъ музеѣ. Особенно интересна надгробная доска, которая очевидно списана съ другой весьма древней, ибо одежды, въ которыхъ изображенъ князь и княгиня, относятся къ весьма отдаленному періоду.

Здѣсь мѣсто сказать о мѣстоположеніи Ржева и объ его имени. Городъ Ржевъ, по древнему Ржева Володимерова, Ржевка или Ржава, былъ какъ видно заложенъ при впаденіи въ Волгу небольшой, но весьма крутоберегой рѣчки Холынки. На самомъ мысу видна довольно значительная насыпь, съ западной стороны которой имѣются слѣды рва. Остальныя стороны достаточно защищались кручами. На этой то насыпи стоитъ соборъ, тамъ конечно находился и княжескій дворецъ и нѣкоторыя другія зданія: на этомъ небольшомъ пространствѣ укрывалось и все населеніе въ случаѣ крайней опасности. Мысъ имѣетъ удлиненный видъ и это прибавляетъ пространства для древняго города, но конечно въ старинныя времена вся крѣпость и въ мирное время, не только что въ военное, была набита биткомъ и постройками и людьми. Мѣсто весьма

крѣпкое, доступное и то съ трудомъ только съ одной западной стороны, и этимъ то объясняется, почему въ лѣтописяхъ такъ часто упоминается о неудачныхъ осадахъ Ржева. Если городъ и сдавался иногда, то единственно въ тѣхъ случаяхъ, когда не ожидалось и въ будущемъ никакой помощи или когда жители сами благопріятствовали непріятелю.

Что касается до имени Ржева, то форма Ржава, встрѣчаемая иногда въ лѣтописи, даетъ поводъ думать, что оно означаетъ болотистое и топкое мѣсто. Къ нынѣшнему Ржеву такое имя конечно вовсе не подходитъ, но не стоялъ ли онъ первоначально на другомъ мѣстѣ. Верстахъ въ двадцати съ небольшимъ вверхъ по Волгѣ впадаетъ въ нее съ правой стороны рѣка Сижка, а въ Сижку съ лѣвой стороны топкая и лѣтомъ пересыхающая, но въ устьѣ своемъ довольно крутоберегая, рѣчка Жева. Между двумя рѣками находится сельцо Ясемово, лежащее на мысу и весьма похожее на древній городокъ. У берега Волги отдѣльная небольшая насыпь, а напротивъ за Сижкой, между послѣднею и Волгой, стоитъ погостъ Николы на Сижкѣ, древній городъ Сижка, о которомъ не разъ упоминается въ лѣтописяхъ. Можно, пожалуй, предположить, что древнѣйшій Ржевъ былъ заложенъ на Сижкѣ и Жевѣ (можетъ быть въ древности Ржевѣ; на иныхъ старинныхъ картахъ имя этой рѣчки пишутъ Ажева, а ранѣе могли говорить Оржева), и уже потомъ перенесенъ на другое мѣсто. Но если это и случилось, то конечно въ самыя отдаленныя времена [1].

---

[1]) Князь Ржавскій въ Тверской лѣтописи подъ 1315 годомъ. О князѣ Сижскомъ въ Никоновской при описаніи

Владимиръ имѣлъ, какъ мы видѣли, сына Ярослава, который вѣроятно наслѣдовалъ отцовскій удѣлъ. Лѣтопись объ этомъ молчитъ, что и не удивительно, такъ какъ всѣ князья этого племени мало жили въ своихъ городкахъ, а старались пристроиться какъ нибудь на Новгородскую или Псковскую службу. Такъ, надо полагать, сдѣлалъ и Ярославъ, но ему видно не посчастливилось и онъ переѣхалъ подобно отцу къ своей нѣмецкой роднѣ. Но онъ не ограничился тѣмъ, что взялъ на время волость у Меченосцевъ, а предался имъ вполнѣ и едва не надѣлалъ непоправимыхъ бѣдъ для Руси. Во Псковѣ въ это время сильно враждовали партіи. Одна изъ нихъ была не прочь вовсе отложиться отъ Новгорода; въ самомъ Новгородѣ боролись приверженцы Ярослава Суздальскаго со сторонниками Михаила Черниговскаго. Вторые позволяли себѣ много жестокостей и наконецъ были изгнаны изъ Новгорода. Тогда они засѣли въ Псковѣ, соединясь съ тамошними недовольными. Однако Ярославу удалось убѣдить Псковичей выгнать ихъ и изъ Пскова и взять себѣ въ князья Ярославова шурина Юрія, сына Мстислава Удалаго и двоюроднаго брата Ярослава Владимировича. Тогда изгнанники пошли къ нѣмцамъ въ Одеппе. Ярославъ, сидѣвшій въ городкѣ Герсикѣ, полученномъ имъ отъ нѣмцевъ, предложилъ свои услуги изгнанникамъ и они признали его своимъ вождемъ.

Въ 1233 году Псковскіе изгнанники съ Ярославомъ и нѣмецкой помощью захватили въ рас-

княженія Ивана II. Градъ Сижка упомянутъ въ Воскресенской лѣтописи въ извѣстномъ перечнѣ Русскихъ городовъ, восходящемъ къ XIV вѣку. При церкви Николы на Сижкѣ похороненъ партизанъ Сеславинъ, владѣвшій нѣкогда Ясемовымъ.

плохъ Изборскъ, но Псковичи немедленно осадили ихъ и принудили къ сдачѣ. Плѣнники были отправлены къ Ярославу Всеволодовичу, а тотъ велѣлъ ихъ оковать и отправилъ къ себѣ въ Переяславль. Князя кажется отпустили, ибо въ 1240 году онъ снова находился у Нѣмцевъ и велъ сношенія со своими пріятелями въ Псковѣ. Снова былъ захваченъ Изборскъ, но на этотъ разъ послѣдствія были иныя. Съ Ярославомъ пришли огромныя нѣмецкія силы. Псковичи были разбиты подъ городомъ, измѣнники впустили нѣмцевъ и учредили новое правительство изъ господствующей партіи подъ охраной и верховенствомъ ордена. Въ городѣ былъ оставленъ гарнизонъ и нѣмецкіе чиновники принимали участіе въ самомъ управленіи. Какое мѣсто было отведено Ярославу, этого не сказано въ лѣтописи, но конечно и его не забыли.

Затѣмъ нѣмцы начали грабить и захватывать Новгородскіе волости и явно стремились уничтожить Новгородъ. Но опасность для Новгородцевъ, да и для всей Россіи была крайняя, тѣмъ болѣе, что нѣмецкое нашествіе совпало съ Батыевымъ, только что опустошившимъ Суздальскую землю. Но на выручку явился внукъ Мстислава Александръ Невскій и разомъ покончилъ дѣло, поразивъ Нѣмцевъ на знаменитомъ ледовомъ побоищѣ. Псковъ былъ освобожденъ и цѣлость Русскихъ границъ охранена.

Ярославъ послѣ неудачи вернулся должно быть въ Ливонію. Около этого времени въ его семьѣ случилось страшное злодѣйство. Его сынъ, неизвѣстный по имени, убилъ свою мачиху, жену Ярослава, княгиню Евпраксію. Лѣтопись умалчиваетъ о причинахъ и говоритъ только, что убійство было совершено въ Ливонскомъ городѣ Оденпе,

по русски Медвѣжьей Головѣ, что княгиню похоронили въ Псковѣ и что въ 1243 году, надо думать скоро послѣ ея кончины, было чудо отъ иконы Спасителя, находившейся надъ ея гробомъ, именно текло отъ иконы мνро. Княгиня Евпраксія была тогда же или нѣсколько позже причислена къ лику святыхъ. Мѣстныя Псковскія преданія прибавляютъ къ этому только то, что она была дочь Литовскаго князя, и покинутая мужемъ, бѣжавшимъ къ нѣмцамъ, жила въ Псковѣ, ведя благочестивую жизнь, и основала тамъ женскій Предтеченскій монастырь, гдѣ будто-бы и была настоятельницей [1]. Такимъ образомъ дѣло остается довольно темнымъ и можно только догадываться, что въ 1243 году шла рѣчь о возвращеніи Ярослава въ Россію и о примиреніи его съ Новгородцами и Псковичами, что св. Евпраксія ѣздила въ Ливонію по этому дѣлу и была тамъ убита пасынкомъ, рожденнымъ по всему вѣроятію отъ второй жены, или даже отъ наложницы Ярослава, и въ расчеты котораго такое примиреніе вовсе невходило.

Пишущій эти строки слышалъ нѣкогда отъ извѣстнаго археолога, графа Толстаго, что въ Псковѣ есть и другія преданія объ Ярославѣ, именно, что онъ передъ смертью раскаялся и умирая просилъ своихъ воиновъ перенести его тѣло на Русь. Воины такъ и сдѣлали, но Псковичи, узнавъ, что къ нимъ везутъ, какъ они выражались „поганаго князя“, выѣхали всѣмъ городомъ на озеро и овладѣвъ колодой, въ которой было тѣло, кинули ее въ озеро. Тамъ она будто-бы плаваетъ и нынѣ

[1]) Смотри Новгородскую первую и Тверскую, кромѣ того Бѣляева исторію Пскова, разсказъ пятый.

и многіе ее видѣли, но это худой знакъ, а еще опаснѣе дотрогиваться до гроба. Вышеназванный ученый говоритъ мнѣ, что одинъ Псковскій рыбакъ въ его присутствіи не хотѣлъ подъѣхать къ одной плававшей колодѣ, говоря, что это слишкомъ опасно. Впрочемъ преданія не помнятъ имени Ярослава, а говорятъ только о какомъ то безымянномъ князѣ, мужѣ преподобной Евпраксіи.

Какъ-бы то ни было, достовѣрная исторія говоритъ, что Ярославъ благополучно вернулся на Русь и въ 1245 году начальствовалъ Новоторжцами и одержалъ побѣду надъ Литвою. Каковъ бы онъ ни былъ въ другихъ отношеніяхъ, но должно быть онъ былъ хорошій воинъ и потому имъ дорожили [1].

Это послѣдніе извѣстіе о Ярославѣ. Мы видѣли, что у него былъ сынъ, неизвѣстный по имени. Въ 1269 году при описаніи знаменитой Раковорской битвы съ Нѣмцами упоминается какой то князь Ярополкъ. Нѣмецкія извѣстія говорятъ, что Псковъ былъ сданъ нѣмцамъ при участіи какого-то князя Ярополка, находившагося въ городѣ. Не идетъ ли здѣсь рѣчь все о томъ же Ярославовомъ сынѣ? [2])

Былъ ли онъ законный или побочный, это по тогдашнему закону не могло помѣшать ему наслѣдовать отцу. Не могло помѣшать и совершенное имъ злодѣйство. Въ тѣ времена многое сходило съ рукъ. То не подлежитъ сомнѣнію, что родъ князей Ржевскихъ-Торопецкихъ пресѣкся уже въ XIII вѣкѣ, ибо въ началѣ XIV вѣка встрѣчаемъ тамъ князей изъ другой, но виро-

[1]) Смотри Новгородскую первую.
[2]) Смотри ее же и Карамзина томъ IV примѣчаніе 28.

чемъ Смоленской же, вѣтви: изъ вѣтви князей Ѳоминскихъ [1]).

Городъ Ѳоминскъ, нынѣ село Ѳоминское Городище, лежитъ при сліяніи Вазузы и Осуги, въ Зубцовскомъ уѣздѣ. Мѣсто довольно крѣпкое, городокъ обнесенъ валомъ. Преданіе говоритъ, что нѣкогда тамъ сидѣлъ какой-то не то князь, не то богатырь Ѳома, а противъ него внизъ по Вазузѣ въ сельцѣ Аксиньинѣ какая то богатырша Аксинья, и они метали другъ въ друга палицами черезъ Вазузу. Разстояніе выходило довольно изрядное. Слышалъ я, что въ Ѳоминскомъ находили не разъ древнія вещи, что разъ водой вымыло скелетъ въ латахъ, но куда дѣвались эти латы неизвѣстно.

Родословіе Ѳоминскихъ князей есть одно изъ самыхъ невозможныхъ между всѣми помѣщенными въ нашихъ родословныхъ книгахъ и составляетъ полнѣйшее наругательство надъ исторіей и хронологіей. Въ немъ говорится, что у послѣдняго великаго князя Смоленскаго, Юрія Святославича, современника великаго князя Московскаго Василія Дмитріевича, были дѣти: Ѳедоръ, который извѣстенъ по лѣтописямъ, и Константинъ Ѳоминскій, вовсе неизвѣстный. Что у Ѳедора были дѣти Борисъ и Остафій, отъ которыхъ происходятъ Полевъ и Яропкинъ. Что у Константина

[1]) Отъ этого времени дошли только извѣстія о Литовскихъ набѣгахъ на Ржевскій край. Въ 1248 году Суздальскіе князья побѣдили Литву у Зубцова. Въ 1285 грабила Литва волость Тверскаго владыки Олешню. Собрались противъ нихъ Тверичи, Москвичи, Волочане, Новоторжцы, Зубчане, Ржевичи, поразили Литву наканунѣ Преображенія, убили ихъ великаго князя Домонта и многихъ другихъ, а полонъ весь отбили. Обо всемъ этомъ смотри Лаврентьевскую лѣтопись. Вотъ время, когда слагались преданія о Владимерѣ Ржевскомъ.

были дѣти Өедоръ Красный, Өоминскій и другіе. Но такъ какъ внукъ Өедора Юрьевича, Александръ Борисовичъ Поле, былъ современникомъ и даже старшимъ того же Василья Дмитріевича, современника его прадѣда, и такъ какъ Өедоръ красный былъ современникомъ Ивана Ивановича, дѣда Василія Дмитріевича, современника мнимаго Өедорова дѣда, то изъ этого можно видѣть, чего стоитъ такая родословная. По счастію имѣется другая, болѣе правдоподобная.

Князь Долгорукій въ первомъ томѣ своей родословной книги, излагая родословіе Смоленскихъ князей, ссылается на имѣвшуюся у него въ рукахъ выписку изъ родословной XVI вѣка, принадлежавшей нѣкогда одному князю Хворостинину Смоленской вѣтви, а потомъ перешедшую къ графу Мусину Пушкину и сгорѣвшую въ 1812 году. Выписка эта была сдѣлана извѣстнымъ любителемъ старины Карабановымъ и даетъ очень полное и, насколько можно судить, достовѣрное родословіе большей части Смоленскихъ князей. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что если-бы Долгорукій считалъ возможнымъ ссылаться на не существующіе источники, то онъ исправилъ бы и другія не менѣе искаженныя родословія Бархатной книги, однако же онъ этого не сдѣлалъ, да при томъ его собственныя историческія свѣдѣнія были не таковы, чтобъ онъ могъ сочинить изъ собственной головы столь подробное, а главное правдоподобное, родословіе [1]).

По словамъ вышеупомянутаго Хворостининскаго родословца у князя Давида Смоленскаго, у брата Мстислава Храбраго, былъ сынъ Констан-

[1]) Смотри Бархатную книгу второй томъ и родословную книгу Долгорукова томъ первый, родословіе князей Вяземскихъ.

тинъ Ѳоминскій. Этотъ князь извѣстенъ и изъ лѣтописей. Послѣ отца, умершаго въ 1197 году, онъ остался еще ребенкомъ. О смерти Константина Давидовича записано въ лѣтописяхъ подъ 1217 годомъ, но можетъ быть рѣчь идетъ объ одноименномъ Черниговскомъ князѣ, упомянутомъ въ Любецкомъ синодикѣ. У Константина сынъ Юрій, а у Юрія дѣти Юрій и Константинъ. У Юрія сынъ Ѳедоръ, у Константина три Ѳедора: Ѳедоръ Красный, Ѳедоръ Слѣпой и Ѳедоръ Меньшой.

Въ 1314 году упоминается въ первый разъ князь Ѳедоръ Ржевскій. Въ борьбѣ между Михаиломъ Тверскимъ и Юріемъ Московскимъ онъ держалъ сторону Москвы. Въ 1314 году онъ былъ присланъ Юріемъ въ Новгородъ въ качествѣ его намѣстника. Новгородцы приняли Ѳедора съ радостью и отложились отъ Твери. Вскорѣ пріѣхалъ и самъ Юрій съ братомъ Аѳанасьемъ и, побывъ нѣсколько времени въ городѣ, отправился въ орду искать великаго княженія, а Ѳедора съ Аѳанасьемъ оставилъ въ Новгородѣ [1]).

На другой годъ пришелъ Михаилъ съ большими силами и заставилъ Новгородцевъ выдать ему Ѳедора, а затѣмъ захватилъ и Аѳанасія и, подчинивъ себѣ по прежнему Новгородцевъ, увелъ своихъ плѣнниковъ въ Тверь. Вскорѣ они были освобождены послѣ торжества Юрія и, можетъ быть, Ѳедоръ вернулся въ свой городъ, но потомъ Тверь опять забрала силу, а Ѳедоръ оказывается уже не Ржевскимъ, а только Ѳоминскимъ княземъ. Недавно найдена его могила, находящаяся

---

[1]) Смотри и здѣсь и ниже первую Новгородскую лѣтопись, тамъ же и эпизодъ объ Урдомѣ, о которомъ будетъ вскорѣ сказано.

въ селѣ Ѳоминскомъ Ярославской губерніи (объ этомъ были статьи въ Журналѣ М. Нар. Просвѣщенія въ 70 годахъ): въ надгробной надписи онъ названъ княземъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ Ѳоминскимъ; притомъ сказано, что онъ умеръ 1345 года въ Новгородѣ и тѣло его было привезено оттуда въ Ѳоминское. Изъ этого видно, что князь Ѳедоръ Ржевскій былъ сыномъ Юрія Ѳоминскаго, что онъ потерялъ Ржевъ, служилъ Москвѣ, былъ намѣстникомъ въ Новгородѣ и похороненъ въ принадлежавшемъ ему селѣ, которое отъ него получило имя Ѳоминскаго.

Выходитъ, что или этотъ князь или его отецъ овладѣли Ржевомъ по пресѣченіи тамошняго княжескаго рода. Это вѣроятно произошло не безъ согласія гражданъ, которымъ было естественно взять въ князья ближайшаго сосѣда. Затѣмъ Ѳедоръ замѣшался, какъ мы видѣли, въ борьбу сильныхъ сосѣдей. Москвичамъ былъ расчетъ склонять его на свою сторону, ибо черезъ его только владѣнія они могли сноситься съ Новгородомъ. Такъ напримѣръ мы видимъ, что, когда сынъ Михаила Дмитрій, получивъ ханскій ярлыкъ, овладѣлъ Владиміромъ, то Юрій отправился изъ Новгорода въ Москву, собираясь идти въ орду, и шелъ именно черезъ Ржевскія мѣста, но на Урдомѣ напалъ на него братъ Дмитрія Александръ и захватилъ его обозъ, а самъ князь едва ушелъ въ Новгородъ. Урдомъ—деревня въ Ржевскомъ уѣздѣ съ правой стороны Волги, верстахъ въ 50 отъ города Ржева. Она стоитъ на замѣчательно высокомъ мѣстѣ. Ѳедору было тѣмъ естественнѣе дружить съ Москвой, что она не угрожала его самостоятельности, тогда какъ смежная Тверь могла угрожать. Но онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ. И Юрій и Дмитрій оба скоро погибли,

но Александръ Тверской на нѣкоторое время упрочился на великомъ княженіи. Ему было естественно посадить во Ржевѣ надежнаго человѣка. Кажется онъ избралъ двоюроднаго брата Өедора Юрьевича, Өедора Константиновича меньшаго, котораго племя потомъ владѣло этимъ городомъ. Но объ этомъ послѣ, а сначала изложимъ родословіе старшихъ вѣтвей Өоминскихъ.

У Өедора Юрьевича Ржевскаго по словамъ родословныхъ книгъ было два сына: Борисъ и Евстаөій. У Бориса сынъ Александръ Поле, у Евстаөія Иванъ Яропка. Бояринъ Александръ Поле извѣстенъ по лѣтописямъ. Въ 1390 году онъ ѣздилъ въ Литву за невѣстой великаго князя Василія Дмитріевича, Софіей, дочерью Витовта. Въ договорной грамотѣ Василія Васильевича съ Казимиромъ Польскимъ и Литовскимъ оговорено, что отчины Александра Борисова сына Хлепенскаго, князя Романа Өоминскаго и ихъ братьи и братаничей всѣ остаются въ Московской сторонѣ. Александръ Поле жилъ ранѣе этого времени, но очевидно, что договоръ повторяетъ старыя выраженія, какъ ихъ повторяютъ и другіе еще позднѣйшіе договоры между Иваномъ Великимъ и Александромъ Казимировичемъ, а затѣмъ между Василіемъ и Жигимонтомъ Казимировичемъ. Тутъ же говорится и о князѣ Өедорѣ Святославичѣ, современникѣ Калиты и Симеона. И такъ Александръ Поле, а стало быть и его отецъ, владѣли Хлепнемъ, братъ же Бориса Евстаөій могъ сидѣть или въ смежномъ Нѣгомири, или въ Рогачевѣ, которые въ грамотахъ ставятся рядомъ съ Хлепнемъ, какъ Хлепенскія волости. Это была ихъ наслѣдственная доля изъ Өоминской вотчины, оставшаяся за ихъ отцемъ,

когда онъ лишился Ржева [1]).

Городъ Хлепень, нынѣ село, стоитъ на Вазузѣ, между ею и рѣчкой Городенкою. Мѣсто замѣчательно крѣпкое и городокъ совершенно ясно виденъ. Неподалеку отъ него, вверхъ по Вазузѣ, въ томъ же Зубцовскомъ уѣздѣ находится Нѣгомирь, нынѣ деревня Нѣмгорь, на Вазузѣ и тоже въ крѣпкомъ мѣстѣ. Рогачевъ стоитъ на Осугѣ, въ настоящее время погостъ. Имѣется небольшой городокъ. Владѣнія старшей линіи Ѳоминскихъ занимали, какъ видно, югозападную половину Ѳоминской волости, ибо кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ городовъ имъ принадлежалъ такъ называемый старый Березуй или Полево, погостъ между Ѳоминскимъ и Молодымъ Березуемъ, на правой сторонѣ Вазузы. Конечно оно получило имя отъ Александра Поле или кого нибудь изъ его потомковъ. Стоитъ онъ на совершенно ровномъ мѣстѣ и едва ли когда имѣлъ военное значеніе. Вѣроятно это былъ обыкновенный княжой станъ, впослѣдствіи перенесенный на болѣе удобное мѣсто въ нынѣшній Молодой Березуй.

Отъ Александра Поле пошли Полевы, нынѣ прекратившіеся, отъ его двоюроднаго брата Ивана Яропки—Яропкины (теперь обыкновенно пишутся Еропкины). Яропка по всему вѣроятію уменьшительное отъ Ярополкъ. Въ то время

---

[1]) Объ Александрѣ Поле смотри Воскресенскую лѣтопись. Договоръ Ивана III съ Казимиромъ у Карамзина томъ VI, примѣчаніе 396. Договоръ Василія съ Жигимонтомъ въ актахъ, относящихся къ исторіи западной Россіи подъ годомъ 1508. Въ духовной грамотѣ, напечатанной во второмъ томѣ древней Русской вивліоѳики Иванъ великій завѣщаетъ сыну Борису „городъ Хлепень и съ Рогачевымъ и съ Негомиремъ съ волостьми“.

такъ называемыя княжія имена вымирали, но изрѣдка еще попадались [1]).

Переходимъ къ линіи Ѳоминской-Березуйской. Основалъ ея князь Ѳедоръ Константиновичъ Красный, старшій изъ трехъ Ѳедоровъ Ѳоминскихъ. Не знаемъ, чью сторону держалъ онъ въ борьбѣ между Москвой и Тверью; скорѣе Московскую, ибо Ржевъ ему не достался. Впослѣдствіи онъ былъ совсѣмъ свой человѣкъ въ Москвѣ, а въ 1345 году породнился довольно страннымъ образомъ съ великимъ княземъ Симеономъ. Великій князь женился на дочери своего служилаго князя Ѳедора Святославича изъ Смоленскаго племени. Этотъ князь, кажется, владѣлъ частью Гжатскаго уѣзда, примыкавшей къ Ѳоминску. Онъ былъ сыномъ Можайскаго князя, но отецъ его было лишился Можайска еще при Юріи Московскомъ. Мѣсто князя Ѳедора Святославича постоянно упоминается въ договорахъ рядомъ съ Ѳоминскимъ и Хлепнемъ. Дочь Ѳедора звали Евпраксіей. Симеонъ женился на ней въ 1344 году, но великую княгиню, говоритъ Бархатная книга, на свадьбѣ испортили. „Ляжетъ съ ней князь великій—и она покажется ему мертвецомъ“.

---

[1]) Полевы и Яропкины кажется сохранили свои вотчины до временъ Ивана великаго. Его братъ Борисъ Волоцкій и Ржевскій, идя въ 1480 году на Новгородцевъ, написалъ духовную (во второмъ томѣ древней вивліоѳики). Тамъ онъ говоритъ, что отобралъ за вину села у Ѳедора Полева и его сына Василія и отчину у Андрея Яропкина и приказываетъ отдать все назадъ, но было ли это исполнено неизвѣстно, ибо князь жилъ потомъ не малое время. Стало быть, потомки Ѳедора Юрьевича еще держались во Ржевскихъ и Ѳоминскихъ мѣстахъ. Ѳедоръ Половъ сынъ Дмитрія, внукъ Александра Поле. Андрей Яропкинъ пропущенъ въ родословныхъ.

Князь въ слѣдующемъ году развелся съ ней и велѣлъ ее выдать замужъ. И выдали ее за сосѣда, Ѳедора Краснаго Ѳоминскаго. У нихъ было 4 сына: Михаилъ Крюкъ, Иванъ Собака, Борисъ Вепръ и Иванъ Уда. Меньшой служилъ въ Москвѣ и былъ бояриномъ у Дмитрія Донскаго. Самъ Ѳедоръ Красный умеръ въ 1387 году въ Москвѣ въ глубокой старости и принялъ передъ смертью схиму съ именемъ Симеона. Михаилъ Крюкъ, какъ старшій, вѣроятно владѣлъ Ѳоминскимъ. У него были дѣти Борисъ да Иванъ, оба по родословнымъ бездѣтные. Уда былъ тоже бездѣтенъ. У Ивана Собаки дѣти Семенъ Трава и Василій. Эти, какъ видно, получили Молодой Березуй. Князь Василій Ивановичъ Березуйскій упомянутъ въ лѣтописи. Онъ убитъ въ 1370 году, храбро защищая Волокъ отъ Литвы. У него сынъ Михаилъ бездѣтенъ. Вѣроятно съ нимъ и кончилось княжество Березуйское. Въ синодикѣ Успенскаго собора поминаются Березуйскіе Иванъ Дмитріевичъ, сынъ его Иванъ и братъ Василій, убитые отъ Литвы. Кажется тутъ ошибка, и надо читать Семенъ Ѳедоровичъ Трава, у котораго по родословнымъ дѣйствительно былъ сынъ Иванъ. Отъ Семена Травы пошелъ родъ Травиныхъ. У Бориса Вепра сынъ князь Василій Вепревъ, бездѣтенъ [1]).

Молодой Березуй стоитъ на Вазузѣ между Ѳоминскимъ и Хлепнемъ, огражденный Вазузой

---

[1]) О бракѣ Симеона смотри Бархатную книгу, Воскресенскую и Никоновскую лѣтопись. О Василіи Березуйскомъ смотри Воскресенскую лѣтопись. Тамъ сказано, что князь стоялъ воеводствуя на мосту передъ градомъ, а одинъ Литвинъ прокрался тайно подъ мостъ и сквозь мостъ прорзилъ князя копьемъ: съ того онъ разболѣлся и, постригшись въ чернецы, преставился.

и глубокимъ оврагомъ, на крѣпкомъ мѣстѣ, имѣющемъ городище. Преданіе говоритъ, что тамъ въ старину сидѣли два брата, одинъ князь Стукотовскій въ Березуѣ, а противъ него князь Грохотовскій, и постоянно ссорились, кидая другъ въ друга камнями, такъ что весь бродъ засорили, отчего онъ и теперь каменистъ. Преданіе характеристическое. Дѣйствительно, можно представить себѣ, какія усобицы происходили между всѣми этими князьями, сидѣвшими, такъ сказать другъ на другѣ и почти не превышавшими силой обыкновенныхъ помѣщиковъ, но притомъ вполнѣ независимыми [1]).

Всѣ они, какъ кажется, потеряли къ XV вѣку и большую часть своихъ владѣній и самые титулы. Впрочемъ и ранѣе они должны были отказываться отъ своихъ титуловъ, поступая на Московскую службу, но въ своихъ городкахъ продолжали именоваться князьями, пока не раздробились до безконечности и не продали своихъ удѣловъ по кусочкамъ. На счетъ титуловъ тогда былъ особый этикетъ. Если бы на Московскую службу поступилъ какой-нибудь князь, то его пришлось бы посадить выше всѣхъ бояръ, а такъ какъ между боярами были люди, могшіе, что называется, и купить и продать мелкаго князя, то, очевидно, должны были выходить величайшія непріятности. И потому неизвѣстно когда именно, но только введенъ былъ такой обычай, что князья поступали на Московскую службу, такъ сказать, инкогнито, оставляя свои титулы у себя дома. Это тянулось до второй половины XV вѣк , но

---

[1]) Ужъ не идутъ ли тутъ рѣчи объ Иванѣ Собакѣ и Борисѣ Вепрѣ. Судя по ихъ прозвищамъ, это были не самые добродушные люди.

когда Москва настолько усилилась, что даже великокняжескіе дѣти изъ чужихъ родовъ стали почитать за честь служить Москвѣ, то пришлось оставить за ними титулы. И тогда совершилось то, чего боялись бояре. Новые пришельцы оттѣснили не только значительную часть извѣстныхъ Московскихъ бояръ, но и многихъ изъ прежнихъ служилыхъ князей. И если обратить вниманіе на родословныя не титулованныхъ Рюриковичей, то увидимъ, что почти всѣ они поступили на Московскую службу въ XIV вѣкѣ или немного позже; тѣ-же, которые сохраняли независимость до временъ Василія Темнаго, за немногими исключеніями, сохранили и свои титулы.

Возвратимся къ разсказу. Въ договорѣ, о которомъ мы уже говорили, упоминается еще какой-то Романъ Ѳоминскій. Это должно быть сынъ Василія Козловскаго, вѣроятно имѣвшій какую нибудь долю въ Ѳоминскѣ. Козловскіе были изъ Ржевской вѣтви, къ которой мы сейчасъ обратимся. Скажемъ только, что у Ѳедора Слѣпаго былъ сынъ Андрей, а у этого Ѳедоръ, который перешелъ въ Тверь и поступилъ на тамошнюю службу. Отъ его сыновей Семена Бокея и Карпа произошли пресѣкшіеся роды Бокеевыхъ и Карповыхъ-Далматовыхъ.

Эту вѣтвь кажется обдѣлили; гораздо большую удачу имѣла самая младшая линія: Ѳедоръ Константиновичь Меньшой и его потомки. Съ ними мы опять возвращаемся къ исторіи Ржева, которую на время оставили для Ѳоминской.

У Ѳедора меньшаго было по родословнымъ три сына: Василій Козловскій, Ѳедоръ Ржевскій и Иванъ. Мы видѣли, что въ началѣ XIV столѣтія во Ржевѣ сидѣлъ Ѳедоръ Юрьевичь, но что дѣти его Ржевомъ не владѣли, стало быть онъ

былъ лишенъ этого города и конечно Тверью. Тверскимъ князьямъ былъ разсчетъ посадить во Ржевѣ человѣка, который былъ бы врагомъ Ѳедора Юрьевича и всѣмъ обязанъ Твери. Такого человѣка всего скорѣе можно было найти между его младшими родственниками, которымъ естественно было завидовать удачѣ сродника. Ѳедоръ Красный почему то оказался не пригоднымъ. Ѳедоръ Слѣпой былъ слѣпъ; взялись, какъ видно, за Ѳедора Меньшаго, котораго сынъ прямо названъ въ родословныхъ княземъ Ржевскимъ. Чтобы этотъ князь былъ непосредственнымъ наслѣдникомъ Ѳедора Юрьевича, это мѣшаетъ принять хронологія, при томъ мы увидимъ, что уже братъ его Иванъ имѣлъ часть во Ржевѣ. Старшій сынъ Ѳедора Меньшаго князь Василій Козловскій какимъ то образомъ (не за женой ли?) получилъ городокъ Козловъ въ Вяземской землѣ и переселился туда. Вѣроятно онъ умеръ при жизни отца. У него былъ сынъ Иванъ, у Ивана— Романъ и Левъ. Романъ, какъ надо думать, имѣлъ часть въ Ѳоминскѣ и есть тотъ Романъ Ѳоминскій, который упоминается въ договорахъ съ Литвой. Козловскіе, укрывшись въ Литвѣ, сохранили одни изъ всего рода Ѳоминскихъ княжескій титулъ. Впослѣдствіи при Иванѣ III ихъ вотчины были въ свою очередь присоединены къ Россіи.

Во Ржевѣ сидѣлъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, но положеніе туземныхъ князей дѣлалось все хуже и хуже. Литва уже приближалась къ ихъ границамъ, а дружба съ Литвой навлекла бы на нихъ гнѣвъ другихъ сосѣдей. Притомъ Ржевъ кажется уже раздробился на двѣ части, выдѣливъ княженіе Сижское. Кончилось тѣмъ, что князь Ѳедоръ должно быть передалъ свой удѣлъ Москвичамъ и перебрался въ Москву со своими сыновь-

ями. Родословіе дальнѣйшихъ Ржевскихъ нѣсколько спутано. Въ большей части родословныхъ говорится, что у Ѳедора были дѣти Василій, Семенъ и Александръ, изъ которыхъ Семенъ былъ убитъ въ 1445 году у Суходрова въ битвѣ съ Литвой. Такъ какъ Ѳедоръ былъ современникомъ Симеона Гордаго, то здѣсь вѣроятно пропускъ. Карабановская рукопись говоритъ, что у Ѳедора былъ другой Ѳедоръ, а у этого еще третій, отецъ Семена и его братьевъ да еще старшаго брата Родіона, бывшаго на Куликовской битвѣ. Это можно допустить съ той поправкой, что Родіонъ былъ по всему вѣроятію сыномъ самого Ѳедора Ржевскаго. При подобномъ обиліи Ѳедоровъ легко могла закрасться ошибка. Родъ Ржевскихъ идетъ отъ Семена Ѳедоровича. Княжескаго титула съ переѣзда въ Москву они уже не носили.

Новое пріобрѣтеніе утвердилось за Москвою не вдругъ. Были другіе князья, имѣвшіе права на Ржевъ. У Ѳедора былъ меньшой братъ Иванъ. У него былъ сынъ Ѳедоръ, у Ѳедора Иванъ Толбуга. Въ 1355 году, по словамъ лѣтописи, сынъ Сижскаго Иванъ сѣлъ съ Литвою во Ржевѣ. Вѣроятно этотъ Иванъ одно лице съ Толбугой и его предки сидѣли именно на Сижкѣ. Въ 1357 соединенныя силы Твери и Москвы выгнали Ивана и Литву, но въ 1358 году городъ былъ взятъ Андреемъ Ольгердовичемъ. Иванъ, какъ видно, отрекся отъ своихъ правъ, видя невозможность удержаться во Ржевѣ, а во Ржевѣ, по словамъ лѣтописи, были посажены Ольгердовы намѣстники. Этотъ князь упоминается и впослѣдствіи подъ именемъ Ивана Ржевскаго. Нѣкоторыя извѣстія (смотри Карамзина примѣчаніе къ V тому, а именно княженіе Донскаго) говорятъ, что

онъ въ первые годы Донскаго приходилъ съ дружиной въ Ростовъ и принималъ участіе въ междоусобіи тамошнихъ князей, стало быть, былъ чѣмъ то въ родѣ кондотьера. Онъ женился на дочери Дмитрія Монастырева, изъ Смоленскихъ-Дорогобужскихъ, современника Донскаго. Отъ него идутъ Толбузины. Въ большей части родословныхъ онъ смѣшанъ со своимъ дѣдомъ, но лучше слѣдовать Карабанову. Что внукъ брата Ѳедора Ржевскаго въ 1355 году былъ уже взрослымъ, это не противорѣчитъ хронологіи, ибо самъ Ѳедоръ вѣроятно былъ въ то время уже въ годахъ [1].

Въ 1359 году самъ Ольгердъ пріѣзжалъ смотрѣть Ржевъ. Литовскія завоеванія подвигались все далѣе. Въ 1363 году тотъ же Андрей воевалъ Ховрачь и Родень. Родня—это село Родня на Волгѣ въ Зубцовскомъ уѣздѣ, между Зубцовомъ и Старицей. Ховрачь—древнѣйшее имя Погорѣлаго Городища (посадъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ). Неподалеку отъ него находится ручей Хорвачь. Преданіе говоритъ, что Погорѣлое Городище принадлежало Новгороду, составляя конечно часть Волоцкихъ земель. Затѣмъ Тверь и Литва соединились противъ Москвы. Ольгердъ сначала нанесъ Москвѣ сильные удары, но затѣмъ его дѣла пошли хуже. Дѣло кончилось миромъ, причемъ вопросъ о Ржевѣ былъ оставленъ не разрѣшеннымъ. Въ 1376 двоюродный братъ Донскаго Владиміръ Андреевичъ ходилъ ко Ржеву, пожегъ посадъ, но города взять не могъ. Однако Василій Дмитріевичъ по смерти отца отдалъ Ржевъ тому же Влади-

---

[1]) Смотри Никоновскую лѣтопись.

миру, котораго ему требовалось задобрить. Не былъ ли Ржевъ отданъ Витовтомъ Литовскимъ въ вѣно за своей дочерью, женою Василія? Владимиръ скоро промѣнялъ Ржевъ великому князю, а тотъ отдалъ его брату, Константину Углицкому. Константинъ умеръ бездѣтнымъ около 1434 года. Послѣ его смерти Ржевъ былъ на короткое время захваченъ его племянникомъ, Василіемъ Юрьевичемъ Косымъ, предъявлявшимъ притязанія на великое княженіе, но затѣмъ великій князь, Василій Темный, отдалъ его брату Косого, Дмитрію Шемякѣ Рузскому. Послѣ измѣны Шемяки Ржевъ у него отобрали. Великій князь отдалъ его свату и союзнику, Борису Александровичу Тверскому. У Тверичей со Ржевичами должно быть были старые счеты, покрайней мѣрѣ Ржевичи отказались признать новаго князя. Въ 1446 году Борисъ пришелъ съ войскомъ, стоялъ подъ городомъ три недѣли и пушками билъ и наконецъ Ржевичи сдались въ самое заговѣнье передъ великимъ постомъ, а князь ихъ пожаловалъ и далъ имъ намѣстниковъ: Василія Константиновича, да Льва Измайлова. На слѣдующую зиму поѣхалъ онъ опять въ Ржевъ и на этотъ разъ съ княгинею, но въ самое заговѣнье мясное прибѣжалъ какой то Станиславъ Ляхъ изъ за рубежа и взялъ городъ изгономъ, положилъ Льва Измайлова и многихъ другихъ Тверичей и засѣлъ во Ржевѣ, вѣроятно что не безъ согласія жителей, а князь съ княгиней едва убѣжали на Опоки. Опоки, деревня на лѣвомъ берегу Волги около самаго Ржева. Она принадлежала Твери и ранѣе, но конечно не составляла ея исконнаго владѣнія. Вѣроятно Москва, занявъ Ржевъ, уступила этотъ участокъ Твери, которая въ то время была ея союзницей. Городъ

на Опокахъ поставленъ въ 1403 году Иваномъ Михаиловичемъ Тверскимъ и, какъ мы видѣли, очень пригодился его внуку [1].

Станислава какъ то выжили, но и Борисъ предпочелъ отказаться отъ столь опасныхъ подданныхъ и передалъ ихъ, неизвѣстно на какихъ условіяхъ, Москвѣ. Покрайней мѣрѣ знаемъ, что Василій Темный завѣщалъ этотъ городъ своему сыну Борису Волоцкому.

Въ 1449 году состоялся часто поминаемый нами договоръ Василія Темнаго съ Казимиромъ. Слѣдуетъ упомянуть о границахъ Московскихъ и Литовскихъ владѣній, какъ они обозначены въ этомъ договорѣ. Граница шла отъ озера Орлицы на Плотницы (Плотишня въ Осташковскомъ уѣздѣ, на западъ отъ Стержа), по красный Борокъ, по Баранью рѣчку на верхъ Бѣленки (не Бѣлейка Ржевскаго уѣзда, но должно быть другая въ Бѣльскомъ уѣздѣ, гдѣ около Осташковской границы показана на картахъ деревня Бѣлейка), по Бѣленкѣ на Попикль (въ Бѣльскомъ уѣздѣ), на верхъ Сижки (уже въ Ржевскомъ уѣздѣ, недалеко отъ границы Смоленской губерніи), съ Березы (рѣка между Ржевскимъ и Бѣльскимъ уѣздами, течетъ въ Межу) на Мохъ и на верхъ Осуги (начинается въ Ржевскомъ уѣздѣ, идетъ

[1] Смотри объ Ольгердѣ Никоновскую лѣтопись. Далѣе Воскресенскую, о Владимирѣ и Шемякѣ Соловьева IV томъ, главу III. О Борисѣ Тверскомъ смотри Тверскую лѣтопись. Опоки послѣ Московскаго завоеванія отданы вмѣстѣ съ Зубцовомъ по духовной грамотѣ Ивана III его сыну Дмитрію. Послѣ занятія Ржева Литвой мелкіе князья перешли подъ Литовское верховенство. Въ описаніи жизни Витовта, помѣщенномъ въ нашихъ лѣтописяхъ, говорится, что ему служили всѣ князья удѣльные даже и до Оомипска. Потомъ они опять перешли къ Москвѣ.

между имъ и Бѣльскимъ противуположно Березѣ и входитъ въ Зубцовскій уѣздъ). Къ сѣверозападу отъ Повиклей въ Ржевскомъ уѣздѣ на границахъ рѣка и деревня Московка, получившія можетъ быть имя отъ пограничнаго положенія. На Осугѣ въ Ржевскомъ уѣздѣ погостъ Осуйскъ, вѣроятно средоточіе края. Въ договорѣ говорится, что часть Осуги вѣдается Литовскими волостелями, какъ было при великомъ князѣ Кестутіи. Владѣнія Ѳедора Блудова и Александра Хлепенскаго, Романа Ѳоминскаго, Юрія Ромейковича и Ѳедора Святославича съ домами ихъ родственниковъ должны идти Москвѣ. Что касается до Блудова и Ромейковича, то они были по всему вѣроятію лицами не княжескаго происхожденія, но образовавшими себѣ значительныя вотчины въ этомъ, можно сказать, безгосударномъ краѣ. Второй изъ нихъ вѣроятно былъ Литвиномъ.

При Иванѣ великомъ Москва заняла сѣверную часть Смоленской губерніи и Торопецкій округъ, такъ что край, о которомъ идетъ рѣчь, пересталъ быть пограничнымъ. Замѣтимъ, что Литовцы долго не могли примириться съ тѣмъ, что Иванъ овладѣлъ Тверью, и требовали за нее разные города, въ томъ числѣ и Хлепень. Борисъ Волоцкій сначала ссорился со старшимъ братомъ и подымалъ даже на него оружіе, но потомъ былъ приведенъ въ полное подчиненіе. Онъ скончался въ 1494 году, оставивъ двухъ сыновей: Ѳедора Волоцкаго и Ивана Рузскаго. Они подѣлили Ржевъ пополамъ и волость и самый городъ, такъ что Ѳедору досталась сѣверная и лучшая часть города. Иванъ умеръ въ 1503 году и мимо брата отказалъ свой удѣлъ дядѣ, великому князю, который завѣщалъ эту половину Ржева сыну, Дмитрію Углицкому, прибавивъ ему Зубцовъ да Опо-

ки да Хлепень съ Рогачевымъ и Нѣгомиремъ. И такимъ образомъ было во Ржевѣ въ одно время два князя: Өедоръ и Дмитрій, отъ которыхъ и названы двѣ стороны города, до сихъ поръ именуемыя не только въ просторѣчіи, но и въ бумагахъ княжь-Өедоровской и княжь-Дмитріевской сторонами. Өедоръ умеръ въ 1513, а Дмитрій въ 1521 году. Оба были бездѣтны и Ржевъ былъ окончательно присоединенъ къ великому княженію [1].

Этимъ и кончилась отдѣльная исторія Ржева. Замѣтимъ еще, что во время войны Ивана и Баторія, Ржевскія края были опустошены Польскимъ воеводой Филономъ Кмитой, а въ междуцарствіе и Поляки и Тушинцы долго хозяйничали въ этихъ мѣстностяхъ. Всего болѣе сдѣлалъ

[1]) При Иванѣ III была усобица, коснувшаяся Ржева, Борисъ Волоцкій и Ржевскій съ Андреемъ Углицкимъ пришли во Ржевъ съ большой ратью, поссорясь со старшимъ братомъ, а оттуда двинулись въ Луки и стали на Литовскихъ границахъ. Впрочемъ до войны не дошло. Объ этомъ смотри Соловьева томъ V глава II. Объ уступкѣ Хлепня смотри акты, относящіеся къ ист. Запад. Россіи подъ 1493 годомъ. Должно замѣтить, что судьба Хлепня въ царствованіе Ивана III представляется не совсѣмъ ясной. Въ договорѣ Казимира II съ Иваномъ III говорится, что вся Хлепенская волость отходитъ къ Москвѣ, а въ 1492 году Александръ Казимировичъ жаловался, что Московскіе служилые люди Василій Лапинъ и Андрей Истома повоевали и засѣли Хлепень, городъ Литовскаго присяжника, князя Михаила Дмитріевича, и Рогачево, волость пана Ходкевича, Иванова сына. Можно догадываться, что Казимиръ послѣ паденія Твери захватилъ эти мѣстности безъ объявленіи войны и Иванъ сначала смолчалъ, но впослѣдствіи отнялъ обратно захваченные города. Михаилъ Дмитріевичъ былъ кажется изъ князей Вяземскихъ. (Смотри акты, относящіеся къ ист. Западной Россіи томъ I).

имъ вреда Лисовскій, уже послѣ избранія Михаила сжегшій Зубцовъ и тщетно приступавшій ко Ржеву. Это обстоятельство упоминается и въ лѣтописяхъ и въ преданіяхъ.

До сихъ поръ показываютъ оврагъ къ востоку отъ Рогачева, въ которомъ по словамъ преданія стояла нѣкогда Литва. Оттуда она ходила на Зубцовъ и Ржевъ. Зубцовъ она взяла, а Ржевъ Богородица оборонила. Вообще память о Литвѣ очень жива въ краѣ и разсказамъ объ Литовскихъ кладахъ нѣтъ конца. Понятно, что въ этихъ разсказахъ и древніе языческіе набѣги и Филонъ Кмита и Лисовскій съ другими вождями—все это смѣшано въ одну кучу. Нѣкоторые записи о кладахъ далеко небезъинтересны. Одна изъ нихъ была напечатана мной въ извѣстіяхъ Московскаго Общества любителей Естествознанія по отдѣлу Этнографіи.

Н. Квашнинъ-Самаринъ.

ЗАМѢЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА.

	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
Стр. 18. Строка 14 снизу.	Ярослава,	Ярославова

Дозв. цензур. Тверь. 27 Мая, 3 и 6 Іюня 1887 года.

Типографія Губернскаго Правленія.

2007110032